

УДК 1(091)

ЭВОЛЮЦИЯ ФИЛОСОФСКОЙ ПРОГРАММЫ КРИТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ФРАНКФУРТСКОЙ ШКОЛЫ

И. М. РАТНИКОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Исследуется эволюция философского дискурса критической теории франкфуртской школы как одной из важнейших исследовательских программ в современной гуманитаристике. Эксплицируется инвариантное содержание, обеспечивающее концептуальную целостность и имманентную логику в ее развитии, начиная с классического этапа (М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др.) и заканчивая современной версией (А. Хоннет, Р. Форст и др.)

Ключевые слова: критическая теория; франкфуртская школа; модерн; коммуникативное действие; борьба за признание; право на оправдание.

THE EVOLUTION OF THE PHILOSOPHICAL PROGRAM OF THE FRANKFURT SCHOOL'S CRITICAL THEORY

I. M. RATNIKOVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The evolution of the philosophical discourse of the Frankfurt School's Critical Theory as one of the most important research program in modern Humanities is studied in this article. The invariant content that provides conceptual integrity and immanent logic in its development from the classical stage (M. Horkheimer, T. Adorno, etc.) to the modern version (A. Honnet, R. Forst, etc.) is explicated.

Key words: Critical Theory; the Frankfurt School; modernity; communicative action; struggle for recognition; right to justification.

Введение

Критическая теория по-прежнему является одним из доминирующих концептуальных трендов в современном интеллектуальном пространстве. Ведущими университетами и научными центрами мира организована работа институтов, школ, групп и семинаров, нацеленных на изучение различных аспектов критической теории, а также на раскрытие возможностей практического применения ее ресурсов (к примеру, Институт социальных иссле-

дований во Франкфурте-на-Майне, Институт критических социальных исследований в Нью-Йорке). Регулярно издаются рецензируемые журналы, отличающиеся высокими академическими стандартами, на страницах изданий обсуждаются методологические и концептуальные вопросы критической теории общества (*Critical Inquiry*, *Zeitschrift fur kritische Theorie*, *Constellations*, *Radical philosophy*, *Angelaki*). На базе Чикагского университета Лойолы

Образец цитирования:

Ратникова ИМ. Эволюция философской программы критической теории франкфуртской школы. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2019;1:55–63.

For citation:

Ratnikova IM. The evolution of the philosophical program of the Frankfurt School's critical theory. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2019;1:55–63. Russian.

Автор:

Ирина Михайловна Ратникова – соискатель кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Т. Г. Румянцева.

Author:

Irina M. Ratnikova, competitor at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
volira_@mail.ru

в Риме ежегодно проводятся научные конференции международного уровня, посвященные выявлению эвристического потенциала данной исследовательской программы.

Актуализация интереса к критической теории обусловлена не только теоретической, но и практической ее значимостью. Так, обращение к программе критической теории, нацеленной на анализ и преодоление патологий социального развития техногенной культуры, оказывается чрезвычайно своевременным и продуктивным в условиях протекания сегодня цивилизационных процессов. Последние характеризуются социально-политическими, экономическими и культурными противоречиями и конфликтами, миграционными и интеграционными явлениями, сопровождающимися ростом общественного недовольства, появлением религиозно-мотивированного экстремизма и терроризма.

Республика Беларусь является неотъемлемой частью мировой цивилизации и происходящих в ней процессов, а значит, не может оставаться в стороне при решении глобальных проблем современности, поставивших сегодня под угрозу выживание человечества. В связи с этим изучение критической теории носит серьезное научное значение, поскольку данная программа не только эксплицирует прямую зависимость между фундаментальными принципами западной культуры и современными социальными катаклизмами, но и разрабатывает проект трансформации существующего социально-политического порядка на разумных основаниях, создавая тем самым матрицу дальнейших исследований в этой области.

Критическая теория была предметом исследования комплекса работ русскоязычных авторов. Она, как одна из версий западного марксизма, вызывала несомненный интерес таких советских исследователей, как Э. Я. Баталов, Б. Н. Бессонов, Ю. Н. Давыдов, Н. С. Нарский. Вместе с тем идеологическая ангажированность данного периода оказала серьезное влияние на методологический подход к изучению философских оснований критической теории, что проявилось в искаженной оценке ряда ее выводов и значимости. Во многом это удалось изменить научной литературе постсоветского периода. Для данного этапа характерно стремление пересмотреть основные выводы предшествующей исследовательской традиции, отбросить все стереотипы и заново открыть критическую теорию франкфуртской школы русскоязычному читателю. Так, в белорусской науке следует выделить работы А. А. Грицанова, С. В. Лапиной, В. С. Михайловского, М. А. Можейко, раскрывающие вместе с тем лишь отдельные измерения исследуемой теории или имеющие преимущественно обзорный характер. Особое место в этом ряду занимают труды В. Н. Фурса – первые фундаментальные изыскания, посвященные ис-

следованию критической теории последней трети XX в., научное значение которых выходит далеко за пределы отечественной гуманитаристики.

Заметным событием стало появление работ современного российского специалиста С. В. Шачина, исследования которого имеют комплексный характер и вносят важный вклад в раскрытие практического потенциала концептуального каркаса представителей современного философского дискурса в Германии и пользуются заслуженным авторитетом в академической среде. В дальнейшем правомерно вести речь о монографиях, диссертациях и научных статьях (Д. А. Баженов, А. Н. Дмитриев, М. А. Кукарцева, И. А. Михайлов, Н. В. Мотрошилова, Г. Г. Соловьева, И. П. Фарман и др.), темы которых сосредоточены на отдельных измерениях критической теории либо на концепциях ее представителей.

Данные работы непосредственно участвуют в осмыслении ранее малоизученных аспектов критической теории. Вместе с тем систематическое исследование концептуального оформления и эволюции философской программы критической теории, начиная с истоков и заканчивая актуальным состоянием, не было представлено в достаточной степени ни в одной из этих работ. Задача осуществления такого исследования во многом затруднена и отсутствием переводов оригинальных текстов ключевых представителей критической теории. Русскоязычному читателю сегодня приходится довольствоваться лишь отдельными статьями и рецензиями, посвященными философии А. Хоннета, Р. Форста и других представителей современной критической теории.

Несколько иначе дело обстоит в западной науке. Выход новых работ и статей современных представителей критической теории сопровождается изданием переводов. Западная научная литература отличается наличием большого количества исследований, посвященных различным аспектам критической теории. К их числу следует отнести работы Дж. Андерсона, Р. Виггерхауса, Ж. Ф. Деранти, Т. Маккарти, Дж. Олвея, Дж. Финлейсона. Большинство работ не претендуют на комплексное осмысление философского дискурса критической теории, но вместе с тем каждая из них вносит серьезный вклад в изучение отдельных сторон и концепций. Несомненным преимуществом западной литературы является своевременное осмысление ключевых аспектов развития критической теории в ее современном и классическом вариантах. Несмотря на это значительная часть трудов остается недоступной русскоязычному читателю.

Многочисленность и многоаспектность работ, посвященных критической теории, свидетельствуют о повышенном интересе научного сообщества к данной теме. Несмотря на появление серьезных и глубоких исследований, изучение генезиса и эволюции философского дискурса критической тео-

рии не нашло должного освещения в литературе. Неоднозначным остается и дефинитивный статус критической теории. Установлена вариативность определений ее концептуальных границ, начиная с редуccionистских отождествлений с хоркхаймеровско-адорновской моделью и заканчивая предельным расширением ее содержания до вся-

кой версии социального критицизма. Настоящая статья ставит перед собой задачу хотя бы частично восполнить этот пробел, реконструировав философское содержание и динамику развития критической теории как целостной исследовательской программы современного социально-гуманитарного знания.

Теоретическая основа

Генетически и содержательно понятие критической теории восходит к творчеству франкфуртской школы. Именно в работах франкфуртцев теория находит свое оформление. Данное обстоятельство обуславливает правомерность трактовки критической теории как оригинальной исследовательской программы, сформулированной М. Хоркхаймером в первой трети XX в., концептуально фундированной Т. Адорно и Г. Маркузе, получившей коммуникативное развитие в работах Ю. Хабермаса и нашедшей в настоящее время продолжение в концепциях А. Хоннета и Р. Форста. Специфика современного философского дискурса заключается в его междисциплинарности и системном подходе к анализу социально-культурной реальности, предполагающем:

- 1) эксплицирование истоков и принципов формирования существующей социальной системы (генетический аспект);
- 2) исследование особенностей и результатов реализации (функциональный аспект);
- 3) разработку программы по преодолению выявленных патологий социального развития (проектный аспект).

Социально-политический и духовный климат начала XX в. в Германии (время и место возникновения классической критической теории) может быть охарактеризован кризисным состоянием страны, обусловленным проигрышем в Первой мировой войне, образованием политически и экономически слабой Веймарской республики, ростом общественного недовольства, появлением экстремизма. Эта кризисность нашла отражение в сознании творческой интеллигенции того времени. К идейно-методологическим предпосылкам формирования критической теории следует отнести кантовское понимание критики как универсального метода выявления условий возможности познания и отказ от догматизма; гегелевскую интерпретацию мира как данности в человеческом опыте, возникающей в результате самоотчуждения субъекта в процессе разворачивания абсолютной идеи; идею К. Маркса о социально-экономической детерминированности всякой действительности и его критику капиталистического общества; фрейдовское выявление скрытых механизмов функционирования человеческой психики; ницшеанские лозунги переоценки ценностей европейской культуры и воли к власти

как фундаментального основания власти, модернизма, теории масс и массового сознания; веберовское учение о «формальной рациональности» как системе действий, рассчитанных на достижение максимальной эффективности. Эти и многие другие идеи были коренным образом переосмыслены в целях разработки качественно нового типа социально-философского знания – критической теории.

Первоначально программа классической критической теории концептуально оформилась на страницах издания «Журнал социальных исследований», издаваемого Институтом социальных исследований Франкфуртского университета имени Гёте в первой трети XX в. В наиболее концентрированном виде основные положения теории были изложены вторым директором института М. Хоркхаймером в статье «Традиционная и критическая теория» (1937) [1].

Так, в данной работе представлена критика методологических оснований традиционной научной теории, трактуемой автором в позитивистском ключе. Согласно традиционной теории мир явлений конституирует структуру человеческой реальности и, соответственно, познанию доступно лишь то, что дано в опыте. Основные критерии истинности данной теории – когерентность, взаимосвязанность и согласованность всех элементов, их логическая непротиворечивость. Позитивистское требование отказаться от абстрактности социальной теории, установка на объективизм и точность формулировок, сбор и обработка фактов эмпирической действительности математическими методами обусловлены следованием примеру естественных наук, «практическая ценность которых не подлежит сомнению» [2, с. 191]. Вместе с тем традиционная теория, редуцирующая роль науки в регистрации фактов и явлений объективной действительности, становится инструментом легитимации существующей системы власти и социального порядка. Задачи же критической теории – проникнуть в истинную суть вещей и показать реальные принципы, лежащие в основе социальных отношений, а также демистифицировать ложные формы существующего положения дел.

Уже в программной статье М. Хоркхаймера эксплицируется специфика философской программы классического этапа становления критической теории, заключающаяся в применении системного подхода к анализу социокультурной реальности [1].

Цели такого анализа – исследование генезиса и особенностей функционирования фундаментальных принципов западной культуры и выявление условий трансформации социального порядка на основе принципов свободы и справедливости. Более конкретные черты приобретают и методологические ориентиры классической модели критической теории, характеризующиеся системностью, историзмом, диалектическим подходом, холизмом, критикой номинализма и редукционизма сциентистски ориентированных теорий.

Реализация данной программы конституировала фундаментальную тему философской рефлексии критической теории в целом – модерн. Именно системный анализ модерна является концептуальным ядром критической теории, обеспечивающим ее инвариантное содержание. Начиная с классического и заканчивая современным этапом, исследование модерна с учетом динамики социокультурных детерминант является ключевой целью критической теории и позволяет, таким образом, выявить преемственность и внутреннюю логику развития данной теории.

Смысловая экспликация понятия «модерн» затруднена отсутствием единства толкования. Так, в современном социально-гуманитарном знании можно выделить два основных подхода к определению содержания модерна. Первая трактовка задается логикой трехчастного деления исторического процесса (премодерн, модерн, постмодерн), согласно которой под модерном понимается самостоятельный социокультурный феномен, возникающий в Новое время, характеризующийся культом разума, европоцентризмом, верой в научно-технический и социальный прогресс и исчезнувший в связи с политическим, экономическим и духовным кризисом начала XX в. (Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, Ф. Лиотар и др.).

В рамках второго подхода модерн интерпретируется как особый мировоззренческий проект, который не имеет жесткой привязки к конкретному историческому этапу и детерминирует собой развитие западной культуры в целом. Он фундирован следующими основаниями:

- 1) инструментальной рациональностью, заключающейся в использовании разума в качестве средства преобразования внешней и внутренней природы;
- 2) когнитивистской трактовкой природы человека;
- 3) прогрессизмом, обусловленным субстанциальным пониманием времени и телеологическим видением исторического процесса (Т. Адорно, Ю. Хабермас, А. Хоннет и др.).

Такое понимание модерна, заданное критической теорией, максимально полно описывает круг проблем, с которыми столкнулась современная ци-

вилизация, а потому приобретает все больше сторонников (У. Бек, Э. Гидденс, А. Турен и др.).

Так, представители классического этапа развития критической теории отмечают инструментально-прикладной характер рациональности модерна, к базовым чертам которой они относят властность, тоталитарность, репрессивность, редукционизм и др. [1–9]. Несомненное достижение исследователей – раскрытие конститутивной роли рациональности модерна в становлении современной техногенной культуры. Ученые показали, что несостоятельность и изначальная противоречивость многих принципов и установок техногенной культуры имели решающее значение в возникновении целого комплекса глобальных проблем современности, которые сегодня поставили под вопрос выживание человечества.

Рациональность модерна обусловила когнитивистскую редукцию природы человека к рационально организованной познавательной деятельности, в результате чего нивелируется целостность и многообразие форм субъективного бытия. В рамках проекта «модерн» субъект трактуется как активное начало, которое удостоверяет себя и окружающую действительность только в акте мышления и рефлексии, а субъективность – как то, что эксплицирует себя посредством познавательного действия рационального субъекта. Человек, превращаясь в инструмент познания, нацеленный в конечном счете на производство и потребление, опредмечивается и овеществляется, утрачивает многомерность, способность к критической рефлексии. Тем самым представители критической теории демонстрируют амбивалентный характер и концепции субъекта.

Радикальной критике на классическом этапе развития данной исследовательской программы подвергаются также и принципы прогрессизма и телеологизма как конститутивные основания идеологии модерна, выражающиеся в непоколебимой убежденности в целесообразном, линейном, непрерывном характере развития исторического процесса, разрыве с предшествующей культурной традицией, принципиальной устремленности в будущее. Основоположники критической теории эксплицируют противоречивость этих принципов: безудержное стремление к целесообразному и прогрессивному развитию обернулось регрессом, неограниченным подавлением и угнетением человечества. История превратилась в череду катастроф: мировые войны, концентрационные лагеря, холокост, холодная война.

Таким образом, представители классической критической теории выявляют определяющее значение концептуальных оснований проекта «модерн» в становлении современной цивилизации. В своих работах они эксплицируют изначальную

амбивалентность фундаментальных принципов модерна, которые оказались антагонистичными самой сути как объективной, так и субъективной реальности, став причиной возникновения комплекса глобальных проблем, с которыми сегодня столкнулось мировое сообщество. Это приводит исследователей к разработке программы, направленной на преодоление патологий развития западной культуры.

Философская программа критической теории франкфуртской школы детерминирована стремлением выявить условия и предпосылки изменений господствующего социального и политического порядка в целях преодоления патологий западной цивилизации и построения нового общества на принципах разумности, свободы и справедливости. В связи с этим правомерно рассматривать критическую теорию как эмансипационный проект по изменению капиталистического общества на разумных основаниях. Цель данного проекта заключается в разработке таких ментальных и поведенческих способов отношения к внешней и внутренней природе, которые нивелируют негативные последствия реализации принципов и установок модерна, выражающихся в появлении экологических, антропологических, политических и других проблем современности.

Так, в проекте Т. Адорно преодоления патологий развития западной культуры основанием новой заданной модерном модели социального устройства является эстетическая реальность, выступающая в качестве пространства свободного от модели господства принципа как субъект-субъектных, так и субъект-объектных отношений. Данные идеи подсказывает ему сама практика модернизма, а критика модерна превращается таким образом в критику массового искусства. Только в сфере эстетической рациональности возможна реализация принципов миролюбивого, миметического, ценностного отношения человека к природе, неискаженная коммуникация как с себе равным, так и с самим собой.

В свою очередь, Г. Маркузе усматривает возможность проектирования социального и политического порядка на основании принципов свободы как высшей ценности, а также легитимации чувственной составляющей и сексуального раскрепощения человека, что позволит выстраивать отношения с природой и другими людьми на принципиально ненасильственных основаниях. Социальный прогресс связывается данным представителем критической теории с восстановлением целостности человеческой природы, обеспечивающимся революционными преобразованиями посредством политического воздействия.

Таким образом, вопреки устоявшемуся в ряде научных работ мнению о том, что уже на классическом этапе была задана эмансипационная направленность критической теории, определившая общую

матрицу дальнейших исследований, окончание творческого и жизненного пути основоположников критической теории является завершением этого этапа. Реактуализация и развитие идей данной исследовательской программы были инициированы Ю. Хабермасом. Будучи директором Института по исследованию условий жизни научно-технического мира Общества научных исследований Макса Планка в Штарнберге, он собрал команду исследователей (Р. Дарендорф, О. Негт, А. Шмидт и др.), которые поставили перед собой задачу определить новый курс критической теории, соответствующий современным реалиям. Он должен создать адекватную основу для анализа социокультурной реальности, патологий ее функционирования и поиска направлений эмансипативной трансформации существующей общественной и политической системы.

Без преувеличения можно сказать, что Ю. Хабермас является одной из самых значимых фигур в интеллектуальном пространстве. Будучи живым классиком философии, он принимает активное участие в дебатах, посвященных самым актуальным вопросам современной политики, науки, техники, религии, и в обсуждении многих других тем, оказывая значительное влияние на формирование общественного мнения и олицетворяя тем самым разрабатываемую им этику дискурса. Как справедливо отмечает Н. В. Мотрошилова, «этот замечательный мыслитель и сегодня говорит веское слово, которое удивительным для философии образом влияет на состояние умов и эмоций его современников, идет ли речь о сферах науки, политики или жизненного мира» [10, с. 23].

Позиция Ю. Хабермаса отличается смещением акцента в сферу повседневных интерсубъективных интеракций, которые укоренены в языковых практиках. Реализуя программную установку критической теории в соответствии с принципами постметафизического мышления в коммуникативном ключе, он осуществляет тем самым парадигмальный переворот в критической теории. Предложенная им модель – это коммуникативная версия критической теории, цель которой заключается в концептуализации социокультурной реальности в соотнесенности с инверсиями и парадоксами модерна [11–16].

Предпосылкой теории Ю. Хабермаса выступает убежденность в конститутивности темы рациональности для философского знания как такового. Осуществив теоретическую реконструкцию основных стратегий критики разума в историко-философской традиции, он выявляет их фундаментальное основание, а именно деятельностный характер рациональности. В связи с этим единицей системного анализа социокультурной реальности выступает понятие «действие». Причину патологий реализации и функционирования принципов инструментальной рациональности исследователь усматривает в лежащем

в основании действия, особенность которого заключается в целеполагающем характере и трактуется Ю. Хабермасом как систематическое искажение коммуникативных актов в целях получения пользы и выгоды. В противовес этому автор вводит понятие «коммуникативное действие», в основе которого лежит ориентация на достижение консенсуса посредством рационально организованного, аргументированного обсуждения ситуации. Коммуникативное действие является основанием разрабатываемой Ю. Хабермасом концепции коммуникативной рациональности в широком смысле как проекта социальной эволюции.

Специфика теории коммуникативной рациональности заключается в процедурном характере. Ее ключевая цель – выявить универсальные предпосылки достижения взаимопонимания и согласия в условиях общности трактовки происходящих в мире событий, задающей пространство повседневных практик жизненного мира. Данная целевая установка реализуется в концепции универсальной прагматики, направленной на раскрытие таких оснований консенсуса, в которых акт коммуникации демонстрировал бы свою рациональную природу. Такой универсальной средой достижения общезначимого согласия является дискурс как рефлексивная форма коммуникативного разума. В дискурсе реализуются притязания участников коммуникации на истинность, правильность и правдивость высказывания, а значит, учитываются все аспекты рациональности – когнитивный, нормативный и экспрессивный. Только в случае соблюдения этих условий дискурс может являться основой коммуникативной рациональности.

Кроме того, концепция коммуникативной рациональности фундирована идеей интерсубъективности, предполагающей, что человек находит себя, концепция определяется не в условиях индивидуализированного акта саморефлексии, а в акте соотносительности с другими самосознающими субъектами. Специфика концепции интерсубъективности Ю. Хабермаса заключается в том, что акт презентации себя другим есть процесс этического самопонимания и самоидентификации одновременно. Интерсубъективизм концепции подчеркивает стремление к достижению взаимопонимания как основному модусу человеческого существования. Это позволяет говорить о продуктивности и эвристическом потенциале критической теории в деле урегулирования социальных конфликтов различного генезиса посредством рационально организованных дискурсивных практик.

Концептуальное развитие хабермасовской версии критической теории сопровождается выдвиганием на первый план нормативной проблематики. В его представлении движущей силой, обеспечивающей социальный прогресс, выступает не когнитивная сфера, как это было в проекте «модерн»,

а эволюция нормативных оснований повседневных коммуникативных практик. В соответствии с онтогенезом морального сознания Ю. Хабермас выделяет ряд этапов филогенеза, причина смены которых заключается в дифференцированном возрастании рациональности жизненного мира (частная и общественная сфера) и сложности системы (экономическая и политическая сфера). Дальнейший потенциал развития общества исследователь связывает с преодолением тех проблем, которые возникли в результате реализации проекта «модерн», – дифференциации жизненного мира и автономизации системы, колонизации сферы повседневных практик посредством символических средств обмена (монетаризации и бюрократизации), фрагментации сознания и функционализации личности, обеднения культурного опыта и др.

Решение указанных проблем в критической теории Ю. Хабермаса не предполагает революционных преобразований, но представляет собой рационально организованный процесс дискурсивного формирования коллективного волеизъявления объединениями открытой и свободной общественности, основанных на принципах справедливости и солидарности (концепция делиберативной политики). Общественность формируется в результате объединения представителей различных сфер, обладающих соответствующей политической культурой и являющихся независимыми от символических средств внедрения системы в коммуникативную сеть ассоциаций. В этом смысле общественность является нормативным понятием. Хабермасовская идея приоритета развития нормативной сферы как основания социального прогресса получила развитие в современной критической теории, к числу наиболее репрезентативных представителей которой следует отнести в первую очередь А. Хоннета.

Сегодня А. Хоннета по праву можно назвать наиболее заметной и продуктивной личностью западной философии. Разрабатываемые им темы позволяют поставить ученого в один ряд с выдающимися мыслителями нашего времени. В западной академической среде его идеи являются предметом серьезных дискуссий, а труды подлежат незамедлительному переводу и активно публикуются. Он выявляет специфику, сущностное содержание и эвристический потенциал критической теории в контексте современного интеллектуального дискурса. Цель теории заключается в проблематизации существующих моделей и схем социальных, культурных и политических практик, выяснении их релевантности подлинным потребностям человека.

Опираясь на теоретические ресурсы гегелевской философии и мидовской социальной психологии, А. Хоннет разрабатывает такую модель критической теории, в которой основополагающим фактором динамики социокультурного развития выступает нормативно окрашенная борьба индивидов за

признание автономности, значимость прав и свобод. Социальные интеракции определяются нормативными моделями взаимного признания субъектами своей автономии: любви, права и солидарности. Каждой из этих форм признания соответствует определенная форма пренебрежения, генерирующая мотивы и причины возникновения социальных конфликтов [17–22].

Парадигма признания как основа современной критической теории предполагает нормативную реконструкцию социальных практик и институтов, которые обеспечивают соблюдение условий, необходимых для реализации свободы как высшей ценности. При всей ценностной плюральности современной культуры именно свобода и институты, гарантирующие ее наличие и защиту, выступают основным мерилом социальной и политической справедливости и прогрессивного развития. В этом смысле критическая теория А. Хоннета реализует программу нормативной реконструкции существующих институализированных отношений, в которых субъекты в акте взаимного признания могут реализовать свою личную автономию.

Осуществляя нормативную реконструкцию исторических предпосылок свободы, А. Хоннет дифференцирует следующие ее модели: негативную, рефлексивную и социальную. Социальная и политическая справедливость при этом не могут быть редуцированы к объему негативной или рефлексивной свободы, предоставляемой индивидам. В справедливом обществе должна присутствовать социальная свобода как обеспечение предпосылок и возможностей равного взаимного признания всех членов общества. Нормативные институты должны быть защищены правовыми, которые, в свою очередь, легитимированы дискурсивными практиками демократического волеизъявления.

Дальнейшая эволюция философского дискурса критической теории связана с творчеством Р. Форста, нынешнего содиректора Института философии Франкфуртского университета имени Гёте – места возникновения франкфуртской школы, – входящего в состав Института социальных исследований. Будучи учеником Ю. Хабермаса и А. Хоннета, он продолжает и развивает традицию критической теории, в основании которой лежит требование подвергать

рефлексии ключевые положения, понятия, принципы и границы применения этой теории, обеспечивая тем самым систематическую критику собственных оснований.

Современные интеграционные и миграционные процессы определили целевую установку критической теории на поиск максимально оптимальных моделей социального устройства и справедливых норм совместного общежития в условиях мультикультурализма. В работах Р. Форста пытаются выявить концептуальные основания справедливого социального и политического порядка [23–25]. Опираясь на ключевые положения современной дискуссии либерализма и коммунитаризма, он выявляет нормативные контексты справедливости, в которых проходит жизнь человека. Эти контексты характеризуются им как сферы взаимного этического, правового, политического и морального признания.

Идея признания используется Р. Форстом для дополнения и уточнения разрабатываемой им критической теории справедливости, методологический приоритет в которой принадлежит концепции права на оправдание. Это право выражает требование отказаться от политических или социальных отношений господства и управления, которые не могут быть адекватно оправданы теми людьми и сообществами, к которым они имеют непосредственное отношение. В связи с этим критическая теория предстает как эмансипационный проект создания свободного и справедливого общества, в основе которого лежит дискурсивная практика оправдания своих действий, поступков и образа жизни, а также легитимации социальных и политических институтов, приводящая к установлению демократического правового государства.

Критическая теория справедливости включает в себя не только нормативную теорию оправдания, фундированную принципами публичной критики и аргументации, но также подразумевает и анализ предвзятых и ложных отношений оправдания. В связи с этим особое значение в теории Р. Форста приобретает концепция толерантности, ключевая задача которой определяется разработкой условий предоставления меньшинствам голоса в политических дебатах, достаточной власти для оспаривания социальных норм.

Заключение

Современная критическая теория включает в себя несколько аспектов: во-первых, она анализирует генезис, характер и основания социального развития; во-вторых, выявляет критерии форм оправдания и легитимации социального и политического порядка, начиная с локального и заканчивая транснациональным уровнем, в контексте глобального мультикультурного сообщества; в-третьих, анализирует существующие формы власти и обоснования толерантности; в-четвертых, исследует контексты

возникновения социальных конфликтов; в-пятых, раскрывает предпосылки установления справедливой основы оправдания и границ толерантности. Критическая теория франкфуртской школы предстает, таким образом, как эмансипационный проект создания общества, в основе которого лежит дискурсивная практика оправдания образа жизни и институциональной системы, приводящая к возникновению правового общества, основанного на принципах свободы, справедливости и толерантности.

Библиографические ссылки

1. Horkheimer M. Traditional and critical theory. In: Horkheimer M. *Critical Theory. Selected Essays*. New York: Continuum; 2002. p. 188–244.
2. Horkheimer M. *Between philosophy and social science: selected early writings*. London: The MIT Press; 1993.
3. Хоркхаймер М, Адорно Т. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецова М, переводчик. Москва: Медиум; 1997. Совместно с «Ювента» (Санкт-Петербург).
4. Адорно Т. *Исследование авторитарной личности*. Москва: Серебряные нити; 2001.
5. Адорно Т. *Негативная диалектика*. Москва: Научный мир; 2003.
6. Адорно Т. *Эстетическая теория*. Дранов АВ, переводчик. Москва: Республика; 2001.
7. Маркузе Г. *Критическая теория общества*. Юдин АА, переводчик. Москва: Астрель; 2011.
8. Маркузе Г. *Эрос и цивилизация. Одномерный человек*. Юдин АА, переводчик. Москва: Астрель; 2003.
9. Маркузе Г. *Разум и революция*. Шурбелев АЛ, переводчик. Санкт-Петербург: Владимир Даль; 2000.
10. Мотрошилова НВ. Юрген Хабермас о кризисе Европейского Союза и понятии солидарности (2011–2013 гг.). *Вопросы философии*. 2013;10:22–38.
11. Хабермас Ю. *Моральное сознание и коммуникативное действие*. Шачин СВ, Складнев Д, переводчики. Санкт-Петербург: Наука; 2006.
12. Хабермас Ю. *Политические работы*. Скуратов БН, переводчик. Москва: Праксис; 2005.
13. Хабермас Ю. *Проблема легитимации позднего капитализма*. Воропай ЛВ, переводчик. Москва: Праксис; 2010.
14. Хабермас Ю. *Философский дискурс о модерне*. Беляев ММ, Костин КВ, Петренко ЕЛ, Розанов ИВ, Северская ГМ, переводчики. Москва: Весь мир; 2008.
15. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001.
16. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001.
17. Honneth A. *Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory*. Cambridge: Polity Press; 2007.
18. Honneth A. *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life*. New York: Columbia University Press; 2015.
19. Honneth A. *Pathologies of reason: on the legacy of critical theory*. New York: Columbia University Press; 2007.
20. Honneth A. *The Critique of Power Reflective Stages in a Critical Social Theory*. Cambridge: The MIT Press; 1991.
21. Honneth A. *The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy*. New York: State University of New York press; 1995.
22. Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1995.
23. Forst R. *Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism*. Los Angeles: University of California Press; 2002.
24. Forst R. First Things First: Redistribution, Recognition and Justification. In: Honneth A. *Critical essays: with a reply by Axel Honneth*. Leiden, Boston: Brill; 2011. p. 303–321.
25. Forst R. *The Right to Justification*. New York: Columbia University Press; 2007.

References

1. Horkheimer M. Traditional and critical theory. In: Horkheimer M. *Critical Theory. Selected Essays*. New York: Continuum; 2002. p. 188–244.
2. Horkheimer M. *Between philosophy and social science: selected early writings*. London: The MIT Press; 1993.
3. Horkheimer M, Adorno TW. *Dialektik der Aufklärung Philosophische Fragmente*. Fischer S, verlag. Frankfurt am Main: GmbH; 1969.
Russian edition: Horkheimer M, Adorno T. *Диалектика Просвещения. Философские фрагменты*. Кузнецова М, translator. Moscow: Medium; 1997. Co-published by the «Uventa» (Saint Petersburg).
4. Adorno T. *Issledovanie avtoritarnoi lichnosti [The Authoritarian Personality]*. Moscow: Serebranye niti; 2001. Russian.
5. Adorno T. *Negativnaya dialektika [Negative Dialectics]*. Moscow: Nauchnyi mir; 2003. Russian.
6. Adorno TW. *Ästhetische theorie*. Adorno G, Tiedemann R, Herausgeber. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1995.
Russian edition: Adorno T. *Esteticheskaya teoriya*. Dranov AV, translator. Moscow: Respublika; 2001.
7. Marcuse H. *The essential Marcuse*. Boston: Beacon Press; 2007.
Russian edition: Marcuse H. *Kriticheskaya teoriya obshchestva*. Yudin AA, translator. Moscow: Astrel'; 2011.
8. Marcuse H. *Eros and Civilization: a Philosophical Inquiry into Freud*. Boston: Beacon Press; 1974.
Russian edition: Marcuse H. *Eros i tsivilizatsiya. Odnomernyi chelovek*. Yudin AA, translator. Moscow: Astrel'; 2003.
9. Marcuse H. *Reason and revolution. Hegel and the rise of social theory*. London, New York: Oxford University Press; 1941.
Russian edition: Marcuse H. *Razum i revolyutsiya*. Saint Petersburg: Vladimir Dal; 2000.
10. Motroshilova NV. [Jürgen Habermas on the crisis of the European Union and the concept of solidarity (2011–2013)]. *Voprosy filosofii*. 2013;10:22–38. Russian.
11. Habermas J. *Moralbewußtsein und kommunikatives Handeln (suhrkamp taschenbuch wissenschaft)*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag; 1983.
Russian edition: Habermas J. *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie*. Shachin SV, Skladnev D, translators. Saint Petersburg: Nauka; 2006.
12. Habermas J. *Ausgewählte politische schriften*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1981–1998.
Russian edition: Habermas J. *Politicheskie raboty*. Skuratov BM, translator. Moscow: Praxis; 2005.
13. Habermas J. *Legitimationsprobleme im Spckapitalismus*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1973.
Russian edition: Habermas J. *Problema legitimatsii pozdnego kapitalizma*. Voropai LV, translator. Moscow: Praxis; 2010.

14. Habermas J. *Der philosophische diskurs der modern*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 1988.
Russian edition: Habermas J. *Filosofskii diskurs o moderne*. Beliaev MM, Kostin KV, Petrenko EL, Rozanov IV, Severskaya GH, translators. Moscow: Ves' mir; 2008.
15. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 1. Handlungsrationalität und gesellschaftliche Rationalisierung*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001. German.
16. Habermas J. *Theorie des kommunikativen Handelns. Band 2. Zur Kritik der funktionalistischen Vernunft*. Frankfurt am Main: Suhrkamp; 2001. German.
17. Honneth A. *Disrespect. The Normative Foundations of Critical Theory*. Cambridge: Polity Press; 2007.
18. Honneth A. *Freedom's Right: The Social Foundations of Democratic Life*. New York: Columbia University Press; 2015.
19. Honneth A. *Pathologies of reason: on the legacy of critical theory*. New York: Columbia University Press; 2007.
20. Honneth A. *The Critique of Power Reflective Stages in a Critical Social Theory*. Cambridge: The MIT Press; 1991.
21. Honneth A. *The fragmented world of the social: essays in social and political philosophy*. New York: State university of New York press; 1995.
22. Honneth A. *The struggle for recognition: the moral grammar of social conflicts*. Cambridge, Massachusetts: The MIT Press; 1995.
23. Forst R. *Contexts of Justice: Political Philosophy beyond Liberalism and Communitarianism*. Los Angeles: University of California Press; 2002.
24. Forst R. First Things First: Redistribution, Recognition and Justification. In: Honneth A. *Critical essays: with a reply by Axel Honneth*. Leiden, Boston: Brill; 2011. p. 303–321.
25. Forst R. *The Right to Justification*. New York: Columbia University Press; 2007.

Статья поступила в редколлегию 20.05.2018.
Received by editorial board 20.05.2018.